

Зофя Адамчикова

Между радугой а болотным камнем

(Pomiędzy tęczą a błotnym kamieniem)

Послесловие

Любители поэзии Каролины Кусек получают очередной том стихов, выдержанный – как и все ее творчество – в лирико-задумчивом тоне, полном различных размышлений о мире и жизни, которые автор очень поэтически определяет как - *между радугой а болотным камнем*. Эти два элемента, радуга и камень, то есть то, что радует глаза, принадлежит к области недостижимого и воздушного, как мыльные пузыри, и то, что конкретное, измеримое и прочное, но необязательно удобное, а, возможно, иногда и калечащее, выражают смысл нашего существования и без сомнения являются метафорой амбивалентности человеческой судьбы. Наше существование заключено именно между *ид*, а постоянным стремлением оказаться на высоте требований, которые выдвигает наше радужное *супер-эго*, это иногда превращается в погоню за иллюзорными миражами жизни. Эти два заглавные десигната: радуга и камень, рассматриваемые с философской перспективы, направляют внимание на оппозицию прекрасного и правды. В стихотворении *Жизнь* читаем: *Более прекрасная, когда радуга в глазу. / Более настоящая, когда болотный камень под ногами.*

Также в структуре сборника мотивы "радуги" и "камня", которые экспонируют первое, и два последние стихотворения, становятся своего рода скреплением, соединяющим в единое целое свыше сорока текстов, глубоко проникнутых проблемами современного мира. Необходимо однако особенно подчеркнуть, что внимание поэтессы к данной проблематике не обозначает ее пристрастия к политике, хотя в нашей культуре принято так думать и такие коннотации, казалось бы, должны содержать однозначно отрицательную оценку. Интерес Каролины Кусек к общественным проблемам – это свидетельство ее поэтического участия в

важных областях современной жизни, сейчас и теперь. Автор реализует, тем самым, вечную задачу поэтов, которые мыслят сердцем, видят больше и стремятся заставить дрогнуть человеческую совесть.

Представленный том стихотворений это поэтический крик особенно чуткой души, которая замечает зло в окружающей ее действительности и не мирится с ним. Поэтесса находит все то, что огорчает нас в нашем общественном устройстве, тревожит, является нашим собирательным угрызением совести. Вокруг нас много зла, обид, несправедливости, безосновательной бедности, бездомности. Как обвинение звучат образы различных "болотных камней", которые живут вопреки всякого рода превратностям судьбы. Так вот, под вывеской фонда "Янко Музыкант" мы видим уличного нищего музыканта на костылях, который *Как угрызение совести стоял, / как потерянная нота в нотном стане улиц звучал (Сбор пожертвований)*. Образ упорядоченного мира портит тарелка с недоеденными варениками в стихе *В Музее Общественной службы*, а особенно бездомный *облупленный как глиняный вазон*, которого необходимо убрать с вокзала, чтобы *фигура его пейзажа не марала*.

Лирическое я в этих стихотворениях явно на стороне покалеченных и обиженных судьбой. Оно не скрывает горькой иронии, адресованной нашим несовершенным нормам и общественному порядку.

Мир так называемых "порядочных людей" также подвергается критике. Поэтесса указывает наше равнодушие и отсутствие внимания к нуждающимся (*Равнодушие*), изоляцию от среды, в которой нам пришлось жить (*Соседи*), возрастающую до такой степени, что о смерти соседа другие узнают благодаря лаю его собаки. Такое отношение к среде, суть которого выражает распространенная фраза "не вижу, не слышу и я доволен этим", осуждается поэтессой, о чем свидетельствует конец стихотворения: *А то здесь каждый за своими дверями / в шапке-невидимке с наушниками*. Даже судьба осиротевшей собаки, которой старый тапок должен заменить хозяина, так как его забрала скорая помощь (*Собака*) – это, конечно, обвинение, брошенное всем людям, относящимся равнодушно к другим. Неужели любовь и преданность собаки должны стыдить человека? Разве сердце можно встретить только на березовой коре? (*Березовое сердце*). Аналогичный контекст содержит произведение *Со стихом ксендза Яна*, в котором Каролина Кусек отдает почет поэту, призывающему к тому, чтобы любить людей, потому что они быстро уходят¹.

Во втором (а возможно в первом) тематико-идеологическом кругу, представляемого сборника, находится мир ребенка. В конце концов поэзия является ничем иным как вновь обретенным детством. Напомним, что Юлиан Тувим, характеризуя необузданное стремление детей фантазировать, много лет тому назад написал: *дети фантазируют и хотят, чтобы им фантазировали. Потом это у них проходит. У кого не проходит, тот становится поэтом.*

Поэтесса проецирует два направления темы детского мира. Во-первых, это попытка найти следы детства, обозначенного местом, где стояла *моя липовая люлька грубо отесанная (Такое место)*. Радостного детства (*На небе ребенка полоски радуги*), которое поглощает всеми чувствами красоту мира: *В радужные глаза восьмым цветом, / восьмым звуком в гамме уха, / в сердце восьмым чудом мира...* Детства светлого и счастливого, потому что его оберегают заботливые руки матери, что выражено простой, но меткой метафорой: *Материнские руки - солнце, / которого лучи пальцев не угасают, / когда день кончается (Материнские руки)*. Это в кругу материнской заботы - как растение в лучах солнца - мы растем и созреваем.

Находим здесь цикл стихов, в котором поэтесса возвращается к воспоминаниям, фиксируя мимолетные образы прошлого, трогательные события, атрибуты, вещи и детские произведения, например, рисунки (*В полотне памяти*), старую фотографию девочек с тощими ножками (*Фотография*), собирание черники на продажу, чтобы добыть деньги на книги, которые покупаются *за собранные в бидон / черные денежки (Мгновение)*. Здесь присутствуют всякого рода намеки на детский фольклор, который охотно используют современные детские поэты, так как это лучший метод установления контакта с юным адресатом искусства. Поэтесса вспоминает детскую игру "убегай, мышка, в дыру", забаву с пусканием мыльных пузырей и рисование карандашом часов на руке (у какого ребенка полвека тому назад было такое чудо, как настоящие часы?), а также шуточные детские диалоги, типа: *Если кто-то спрашивал, который час, / отвечала... не слышу, спроси еще раз, / или часы остановились, стрелки сломались (Мечта о часах)*. Такого рода воспоминания ушедшего мира является характерной чертой поэзии Каролины Кусек, которая образно закрепляет мгновения ушедшего прошлого. По всей вероятности это может трогать взрослых, удивлять и заинтересовать детей, рассмешить одних и других. Хотя, возможно, не такого рода реакций ожидает поэтесса от читателей. По сути дела, комизм

ситуации выступает лишь в одном стихотворении под заглавием *Народное гулянье*, в котором девушка вспоминает одного танцора-чудака, которого *Заглаженные складки брюк резали как ножом мои колени*. В сборнике не находим больше элементов комизма, поскольку стихи поэтессы направлены на то, чтобы вызвать у читателя сочувствие, заставить его задуматься, научить благородству, а не просто развлекать и смешить.

Благодаря художественным достоинствам творчества Каролины Кусек, справедливым является причисление ее к разряду самых выдающихся детских писателей, к философско-лирическому направлению, которое представляют такие поэты как Анна Каменьска, Юзеф Ратайчак или Иоанна Кульмова. Поэтесса ставит перед собой цель не развлекать детей забавными стишками, а развивать эмоциональную сферу души ребенка и совершенствовать его эстетические вкусы. Такого рода творческую задачу поставила перед собой и она сама, сказав об этом в одном из интервью: *мы не можем с ребенком только все время беззаботно петь (...)* Слово, поэтический образ – кроме своих эстетических качеств – иногда должны добывать из детского сердца и более глубокие чувства. В ребенке стремимся поддержать и развивать доброту и чувствительность, но не скрываем от него очевидные истины ².

Очередной тематический круг образуют тексты, которые рассказывают о всякого рода зле, обидах, которым повергаются не только отдельные дети, но и целые их группы. Такого рода тексты представляют дидактическую и гуманную ценности. Перед читателем встают образы детей, которых взрослые бьют, которых без присмотра оставляют родители, занятые работой, не замечающие, что их дети выросли, что они голодные. Особенно сильно, с большой экспрессией данные мотивы звучат в тексте *Пощечина: Ладонь, отпечатанная на лице РЕБЕНКА. / На ней слезы – / стеклянные ноты без звука*. Поэтесса смотрит на проблему обид ребенка и с более широкой перспективы, общечеловеческой. Она видит детей войны и голод в Африке, который касается даже самых маленьких детей и приобрел такие масштабы, что *небо, не может вместить всех этих черных ангелочков (Голодная смерть)*. Отсюда рождается призыв к борьбе с голодом в стихотворении *Буханка: Пекарь, / КРУГЛУЮ буханку замеси нам / из хлебов /.../ В крест разрежь ее ножом. / Поровну для мира четырех сторон*. Явно поэтесса противостоит войне и злу, которое несут они с собой (*Дети войны, Железная птица*). В *Железной птице* появляется образ окровавленного ястреба, символа войны. Его жертвой стал голубь Пикассо - символ мира. Хотя лирическое я подтверждает, что стало

свидетелем гибели ястреба, то он (...) *быстро возродился. / Стал над миром кружиться. / Солнце закрыл крылом.* Действительно в современном мире постоянно вспыхивают военные конфликты в разных его регионах.

Отдельно следует рассмотреть два текста, которые занимают в томе особое место – это *Игра с дождевым червем* и *Дырка в кармане внука*. Хотя они выполняют экзистенциально-эстетическую и дидактическую функции, то их нравственное послание адресовано скорее не детям, а взрослым.

Первый текст указывает образ дождевого червя, которого мучают дети и отсутствие реакции на это со стороны взрослых. Второй текст касается важной педагогической проблемы, какой является вопрос о неразумном удовлетворении всех материальных потребностей детей и необходимости учить их ответственности за свою жизнь.

Следует здесь добавить, что все творчество Каролины Кусек вводит читателя в область этики и ее принципов, а тем самым играет важную воспитательную роль. Автор принадлежит к такого рода направлению современной поэзии, которое, хотя освободилось от назойливого дидактизма, то однако сохранило то, что было ценное в дидактике, помогало ребенку расти и развиваться. Создатель теории детской литературы, Ежи Цесликowski, много лет тому назад написал: *Дидактизм был и остается основной и имманентной категорией литературы для детей (...) Само детство это естественный период в человеческой жизни, которого спонтанный, но и необходимый, индивидуальный и общественный смысл заключается в обучении и воспитании*³. Дидактизм поэтессы, невзирая на то, адресован ли он взрослым или детям, не принимает непосредственной формы, но завуалирован метафорой, поэтому в этой поэзии нет дисгармонии между дидактической и аутотелической функциями, которые некоторые исследователи противопоставляют друг другу. Здесь наоборот – автор удивляет полной их гармонией.

Однако, осмысление идейного содержания нового тома Каролины Кусек не может изменить факта, что мы имеем дело с настоящей поэзией, которая не только затрагивает нашу совесть и заставляет задуматься над существенными вопросами, но и с огромным мастерством изображает красоту мира и природы. Такие мелодичные стихотворения-пейзажи, как *Мотылек-белянка, Мельница, Василек, Ливень, У дедушки и бабушки во дворе, Радуга* – направляют внимание читателя на те явления, которые исчезают с нашего поля зрения во взрослой жизни, но которых не забывают поэты и дети. Поэтесса находит прекрасное в самых различных

элементах природы, даже в самых мельчайших, которым, благодаря богатой и оригинальной метафорике, она придает особый блеск. В полном чувств стихотворении *У дедушки и бабушки во дворе* автор обращает внимание на то, что *У дедушки и бабушки во дворе все краски радуги расцветают. / У дедушки и бабушки во дворе все звучит и играет, а сердце бабушки хрупкое оно как птичье яйцо.* Мыльные пузыри определяются как *детства восторг, отмытый вместе с грязью носок.* Василек – это цветок, написанный солнцем – художником космоса, мотылек – это бантик с цветочной косы, радуга же – это одна из самых прекрасных картин, / нарисованных кистью солнца / на облаке. Читая эти стихи, мы постоянно удивляемся богатству поэтического воображения автора, его способностью создавать поэтическую художественную действительность и обоснованностью, использованной метафорике, которая кажется такой незамысловатой, но одновременно легкой и глубоко лиричной, что адресат искусства, спонтанно подчиняется ее прелести. Определение *бусинка росы*, метафора *слезы – стеклянные ноты без звука*, перифраз – *жизнь так урезала его гардероб* или синестезия – *фиолетовый тон* из стихотворения *Полевой колокольчик* – могли бы войти в разговорный язык, для которого характерны как и богатство лексики, так и значительная метафоричность.

Эстетические ценности сборника проявляются и на уровне языка поэтессы, который можно определить как нежный, деликатный и элегантный. Как продемонстрировали указанные раньше цитаты, язык Каролины Кусек характеризуется ясностью, разнообразием просодии и новаторской, оригинальной метафорикой, благодаря чему стихи поэтессы можно легко узнать среди других. Крайне редко лексика поэтессы приобретает сильную, экспрессивную форму. Это случается особенно тогда, когда озвучиваются отрицательные эмоции, как в стихотворении *Болтуни: А иногда как зарычит на ребенка одна из них, / стекла летят.* Язык поэтессы побуждает воображение как взрослых, так и детей, их интеллект, провоцирует читателя к поиску скрытых значений, словом, приносит читателю настоящее наслаждение.

Многогранное творчество для детей Каролины Кусек, которое стало объектом всестороннего монографического исследования⁴, заставляет, заканчивая наши размышления, задуматься, кто является потенциальным адресатом этого тома. Он тоже, как и другие, предназначен для детей? И, действительно, лишь для них? Без сомнения поэтесса значительно расширяет круг своих читателей, поскольку ее сборник адресован не

только старшим детям, но и взрослым читателям, побуждая их воображение и эмоции, заставляя задуматься. Это кажется закономерным в контексте общей тенденции развития детской литературы в Европе, начиная со второй половины XX века, которая стремится преодолевать всякого рода табу и стирать возрастные границы адресатов. Стоит напомнить, что уже Ян Бжехва призывал писателей: *Пишите, пишите для детей, но только так, чтобы вашу книгу с удовольствием читал взрослый человек*⁵. Эту позицию значительно углубил бельгийский франкоязычный поэт Морис Карем, который использовал исключительно образную метафору, провозглашая, что нет отдельной литературы для детей и взрослых, так как нет для них и отличных сортов шоколада. Если он хороший, то его употребляют одни и другие⁶

Я искренне убеждена, что, предложенный читателям том стихов Каролины Кусек, это такого рода шоколад, которым могут наслаждаться и дети, и взрослые. Возможно, некоторые сочтут его слишком горьким, так как он сосредоточен не только на том, что восхищает и радует глаза и сердце как радуга, но и в значительной степени на том, что расположено более близко болотного камня, что тревожит, болит и заставляет задуматься. Однако, именно такую поэзию ценят настоящие знатоки.

¹ А. Słonimski, J. Tuwim: *W oparach absurdu*. Warszawa 1990, с. 13.

-
- ² Цитата взята из интервью с поэтессой. Ср.: J. Kumiega: *Poetka w wianku ze stokrotek*. „Guliwer” 4/1997, с. 26.
- ³ J. Cieślowski: *Literatura osobna*. Wybór R. Waksmund. Warszawa 1985, с. 30.
- ⁴ *Twórczość poetycka i sceniczna Karoliny Kusek dla dzieci*. Сборник работ, под ред. Danuty Muchy. Wyd. Astra. Łódź 2010. 323 с.
- ⁵ J. Brzechwa: *O poezji dla dzieci*. „Twórczość” 4/1955.
- ⁶ Источником информации является встеча с подругой жизни поэта в Варшавском университете.